

Уильям Зинсер Как писать хорошо. Классическое руководство по созданию нехудожественных текстов

Аннотация

Книга Уильяма Зинсера — самая популярная и авторитетная книга в мире о писательском мастерстве. Она выдержала 30 переизданий и разошлась общим тиражом более миллиона экземпляров. Это книга о том, как писать статьи, эссе, блоги и целые книги — увлекательно, ярко и доходчиво. Ее аудитория — не только профессиональные журналисты и литераторы, а все работники интеллектуального труда. Ведь умение грамотно излагать свои мысли в письменном виде обязательно для любого, кто хочет преуспеть в современном перенасыщенном информацией мире. Зинсер обстоятельно рассказывает, как писать любые тексты на любую тему — о людях, о путешествиях, о себе, о технике, о спорте, об искусстве. Поясняет, какими правилами писатель должен руководствоваться, какими методами пользоваться и как относиться к своему труду, чтобы максимально приблизить его к совершенству.

Книга Зинсера пригодится всем, кому приходится или кто по собственному желанию пишет нехудожественные тексты — от деловых писем до научно-популярных книг.

Уильям Зинсер Как писать хорошо. Классическое руководство по созданию нехудожественных текстов

Издательство: «Альпина Паблицер»,— 2017

Купить цифровую книгу в books.ru или [ЛитРес](https://litres.ru), бумажную книгу в [FLIP](https://flit.ru), [Лабиринте](https://labirint.ru) или [Ozon](https://ozon.ru).

Введение

Прочитав эту книгу, вы:

- овладеете всеми премудростями писательского мастерства, предельно понятно изложенными самым авторитетным автором в этой сфере;*

- начнете писать любые тексты так, чтобы целевая аудитория считывала ровно тот смысл, который вы вкладываете, и получала от чтения удовольствие и пользу;*
- научитесь преодолевать тиранию конечного продукта и получать удовольствие от самого процесса письма.

Простота

Словесный мусор — это беда нашей страны. Мы, душим себя тяжеловесными оборотами, ненужными повторами, помпезными завитушками и бессмысленным жаргоном. Но вы не сможете писать хорошо, если не будете вычищать каждое предложение, оставляя в нем только самое необходимое. Каждое слово, которое не несет смысловой нагрузки, каждое длинное слово, которое можно заменить на короткое, каждое наречие, которое дублирует по своему значению стоящий рядом глагол, каждая пассивная конструкция, которая мешает читателю ясно понять, кто что делает, — вот тысяча и одна примесь, ослабляющая силу предложения. И их количество обычно бывает пропорционально уровню образования и статусу пишущего. Что же это за капризное существо — читатель? Без дополнительных стимулов он теряет концентрацию примерно через тридцать секунд, притом что за его внимание борется множество разнообразных сил. Некоторые авторы считают, будто читатель слишком глуп или слишком ленив для того, чтобы уследить за ходом их мысли, но это плохое оправдание. Как правило, читатель теряет интерес из-за небрежности писателя. Эта небрежность принимает разные формы. Порой фраза выходит такой замусоренной, что читатель, продирающийся сквозь словесные нагромождения, просто не улавливает ее смысла. Порой она бывает так плохо сконструирована, что читатель может понять ее несколькими разными способами. Порой автор на ходу меняет значение местоимений или глагольные времена, так что читатель перестает понимать, кто говорит или когда случилось то, о чем ему рассказывают. Порой предложение Б выглядит логически не связанным с предложением А: писатель, для которого эта связь очевидна, забыл вставить недостающее звено. Порой автор неправильно использует какое-нибудь слово, потому что не дал себе труда заглянуть в словарь. Писать — это тяжелая работа. Ясная фраза — не случайность. Очень редко фразы выходят ясными с первого и даже с третьего раза. Помните это в минуты отчаяния. Если вы обнаружите, что писать трудно, не удивляйтесь. Так оно и есть.

Мусор

Думаете, о подобных мелочах не стоит беспокоиться? Нет, стоит. Качество написанного прямо пропорционально количеству вредных мелочей, которые автору удалось из него убрать. Пристально следите за каждым словом, которое переносите на бумагу, и вы заметите, что среди этих слов поразительно много ненужных. Возьмем для примера прилагательное личный в выражениях вроде мой личный друг, мои личные ощущения или ее личный доктор. Это одно из сотен слов-паразитов, которые необходимо удалять. Личный друг пробрался в язык ради того, чтобы составить альтернативу другу по работе, унизив тем самым и язык, и дружбу. Ваши личные ощущения не могут быть ощущениями никакой другой личности, кроме вашей, на что прямо указывает использованное местоимение. Что же до личного доктора — это человек, которого вызывают в гримерку к разволновавшейся актрисе, дабы избавить ее от общения со случайным дежурным эскулапом. Когда-нибудь я надеюсь

услышать, как его именуют ее доктором. Врачи есть врачи, друзья есть друзья. Все остальное — мусор. Мусором является и любой тяжеловесный оборот, вытеснивший собой короткое слово с тем же смыслом. Еще до Джона Дина американцы перестали говорить сейчас и в быту, и на работе. Они говорили в настоящее время (В настоящее время все наши операторы обслуживают других клиентов). Однако для передачи нужного смысла всегда годится сейчас, если речь идет о непосредственном настоящем (сейчас я могу с ним увидеться), или сегодня, если это настоящее — историческое (сегодня цены высоки), а порой бывает достаточно и глагольного настоящего времени (идет дождь). Совсем ни к чему говорить: В настоящее время мы испытываем неудобства из-за выпадения осадков.

Мусор — это и громоздкий эвфемизм, который превращает трупы в зону социально-экономической депрессии, а городскую свалку в объект для размещения отходов. Мне вспоминается карикатура Билла Молдина: двое оборванцев едут в товарном вагоне. Один из них говорит: Раньше я был простым бродягой, зато теперь стал длительно безработным.

Мусор — это и доведенная до абсурда политкорректность. Я видел рекламу летнего лагеря для мальчиков, обещающую индивидуальный подход к даже минимально нестандартным детям.

Мусор — это и официальный язык корпораций, которым они прикрывают свои ошибки. Когда Digital Equipment Corporation сократила количество рабочих мест на три тысячи, в ее официальном объявлении говорилось не об увольнениях, а о вынужденных мерах. Когда ракета американских ВВС разбилась, не долетев до цели, она преждевременно столкнулась с землей. Когда General Motors закрыла один из своих заводов, это называлось плановым регулированием объемов производства. Компании, стоящие на грани банкротства, имеют отрицательный баланс наличности. Столь же опасны и сочетания слов, при помощи которых мы объясняем, как намерены продолжать свои объяснения: я мог бы добавить, необходимо указать, интересно отметить... Если вы могли бы добавить, добавьте. Если указать необходимо, укажите. Отметьте, но так, чтобы это и вправду было интересно: всех нас порой приводит в замешательство то, что следует за словами „а это наверняка вас заинтересует“. Не приукрашивайте то, что в этом не нуждается: за возможным исключением (кроме), благодаря тому обстоятельству, что (так как), у него абсолютно отсутствовала возможность (он не мог), по истечении недолгого времени (вскоре), питая намерения (чтобы)

Вы тоже можете развить в себе такую остроту зрения. Ищите мусор в том, что вы написали, и безжалостно удаляйте его. Будьте благодарны за все, что вам удалось выбросить. Перепроверяйте каждое предложение, попавшее на бумагу. Есть ли у каждого слова своя незаменимая роль? Нельзя ли выразить ту же мысль более экономно? Не выглядит ли ваша фраза чересчур напыщенной, претенциозной или витиеватой? Не пожалели ли вы что-нибудь ненужное только потому, что оно кажется вам красивым? Упрощайте же, упрощайте.

Стиль

Очень немногие осознают, насколько плохо они пишут. Никто не показал им, сколько лишнего и мутного просочилось в их стиль и как это мешает читателю понять их мысли.

Если вы дадите мне статью на восьми страницах, а я попрошу вас сократить ее до четырех, вы ужаснетесь и воскликнете, что это невозможно. Потом вы пойдете домой и сделаете это, и она станет гораздо лучше. А потом наступит черед самого трудного: сократить ее до трех.

Аудитория

После того как вы разберетесь с проблемой сохранения своей индивидуальности, перед вами встанет другой вопрос: Для кого я пишу? Это фундаментальный вопрос, и на него есть фундаментальный ответ: вы пишете для себя. Не пытайтесь представить себе широкую читательскую аудиторию. Такой аудитории не существует — каждый читатель отличается от других. Не пытайтесь угадать, какого рода сочинение понравится издателю или что нынче прозвучит актуально в вашей стране. Издатели и читатели не знают, что им хочется прочесть, пока они этого не прочтут. Кроме того, они всегда ждут чего-нибудь новенького. Во-первых, упорно трудитесь над тем, чтобы овладеть своими инструментами. Упрощайте, убирайте лишнее и боритесь за ясность. Относитесь к этому как к механической работе, и она скоро принесет свои плоды. Эти действия никогда не станут настолько же механическими, как бритье или чистка зубов; вы не перестанете изобретать разные способы использования ваших инструментов. Но, по крайней мере, ваше письмо будет опираться на твердые принципы, и шансы потерять читателя заметно снизятся. О другом лучше думать как о творческом акте — выражении того, кто вы есть. Успокойтесь и скажите то, что хотите сказать. А поскольку ваш стиль — это и есть вы сами, вам нужно лишь быть верным себе, и вскоре он начнет освобождаться от мусора и тумана, с каждым днем становясь все более отчетливым. Возможно, ему понадобятся целые годы, чтобы наконец по-настоящему оформиться в ваш стиль, ваш голос. Но ведь найти себя как личность тоже непросто — и так же непросто найти себя как писателя, причем даже после того, как это произойдет, ваш стиль не перестанет меняться с возрастом.

Единство

Единство — это стержень хорошего письма. Так что позаботьтесь о нем с самого начала. Единство не дает мыслям читателя разбредаться в разные стороны, а главное — удовлетворяет его подсознательную тягу к порядку и внушает ему уверенность в том, что у штурвала стоит надежный рулевой. Поэтому сделайте свой выбор из множества вариантов и не изменяйте ему до конца.

Первая задача — выбрать местоимение и обеспечить его единство во всем тексте. Как вы собираетесь писать — от первого лица, как участник, или от третьего, как наблюдатель? А может быть, и вовсе от второго — манера, которую обожают спортивные журналисты, подсевшие на Хемингуэя? (Вы понимаете, что еще ни одному репортеру не выпадал шанс насладиться битвой таких устрашающих гигантов, а уж вас-то никак не назовешь полным новичком в своем деле!)

Затем нужно обеспечить единство времени. Большинство авторов пишут в прошедшем (На днях я отправился в Бостон), но некоторые очень неплохо чувствуют себя и в настоящем (Я сижу в вагоне-ресторане поезда, который на всех парах мчится в Бостон). Не надо лишь перепрыгивать с одного на другое. Я вовсе не говорю, что вы обязаны довольствоваться одним грамматическим временем — на то и существуют разные глагольные времена, чтобы позволять писателю справляться с обычным

временем во всех его многочисленных ипостасях, от прошлого до гипотетического будущего (Только позвонив матери с Бостонского вокзала, я сообразил, что, напиши я ей раньше о своем приезде, она бы меня встретила). Но вы должны выбрать то время, в котором будет проходить ваше основное общение с читателем, сколько бы взглядов вперед и назад вы ни бросали по пути.

Следующий шаг — позаботиться о единстве тона. Можно беседовать с читателем в той небрежной манере, которую с такой тщательностью выработали в *The New Yorker*. Но вы можете выбрать и более официальный тон, чтобы описать какое-нибудь серьезное событие или представить ряд важных фактов. И то и другое вполне приемлемо. В сущности говоря, приемлем любой тон — только не надо смешивать два или три.

Итак, прежде чем взяться за работу, задайте себе несколько основополагающих вопросов. Например: В какой роли я собираюсь выступить перед читателем? (Репортера? Поставщика информации? Обычного человека?), Какое лицо и грамматическое время я выберу? Какой стиль? (Безлично-репортерский? От первого лица, но официальный? Или от первого лица и дружески-непринужденный?), Какой будет моя позиция по отношению к материалу? (Неравнодушие? Отстраненность? Осуждение? Ирония? Мягкий юмор?), Насколько широко я рассчитываю охватить свою тему?, Каков мой главный тезис?. Последние два вопроса особенно важны. Большинство пишущих нон-фикшн страдают комплексом чрезмерной ответственности. Им чудится, что они взяли на себя обязательство — перед своей темой, своей совестью, литературными богами — подвести в своей статье некий итог. Это похвальное стремление, но вы не можете сказать последнее слово в избранной вами области, потому что его попросту нет. То, что сегодня кажется вам окончательным, к завтрашнему дню станет промежуточным, и писатели, которые упрямо гонятся за самыми последними фактами, рано или поздно обнаруживают, что устроили погоню за радугой и не в силах улучшить момент для того, чтобы взяться за перо. Никто не способен написать исчерпывающую книгу или статью о чем бы то ни было. Толстой не мог написать такую книгу о войне и мире, а Мелвилл — о китовой охоте. Им пришлось принять некоторые ограничивающие решения насчет времени и места, а также конкретных персонажей в этом времени и месте — скажем, один человек гоняется за одним китом. Каждый писательский замысел должен быть ограничен какими-то рамками, и только после этого можно садиться писать.

Всего понемножку

Глаголы

Везде, где это возможно, старайтесь обходиться без пассивных конструкций. В том, что касается ясности и энергичности, разница между действительным и страдательным залогом эквивалентна разнице между жизнью и смертью.

Наречия

Большинство наречий необязательны. Выбрав глагол с определенным значением и добавив к нему наречие, имеющее тот же смысл, вы замусорите свою фразу и вызовете у читателя законное раздражение. Не говорите, что радио громко орало: слово орать уже подразумевает значительный уровень громкости. Не пишите, что незнакомец крепко стиснул зубы: иначе он их стиснуть и не мог. Неряшливые авторы упорно продолжают ослаблять сильные глаголы ненужными наречиями. И это относится не только к глаголам,

но и к прилагательным и другим частям речи: изматывающе утомительный, слегка спартанская, полностью ошеломленный... Прелесть ошеломленного состоит в том, что это слово уже означает крайнюю степень изумления; я не могу представить себе человека, который был бы ошеломлен лишь частично. Если какая-то работа утомляет, она же и изматывает. А к чему подошла бы характеристика слегка спартанская?

Прилагательные

Без большинства прилагательных также можно обойтись. Как и лишними наречиями, ими сдабривают свои фразы авторы, не замечаящие, что нужный смысл уже содержится в существительном. Такая проза бывает засорена обрывистыми утесами и кружевной паутиной, а еще в ней пестрят прилагательные, обозначающие цвет предметов, чей цвет хорошо известен: желтых нарциссов и бурой земли. Если вы хотите вынести о нарциссах сколько-нибудь ценное суждение, выберите другой эпитет — например, ослепительные. Если вы находитесь в том уголке страны, где земля красная, смело пишите об этом. Такие прилагательные помогают существительному выполнить работу, с которой оно не сумело бы справиться в одиночку.

Спецификаторы

Удалите из своего обихода словечки, которые конкретизируют то, что вы чувствуете, думаете или видите: слегка, немного, вроде, довольно, весьма, очень, слишком, порядочно, в каком-то смысле и десятки других. Они разбавляют текст и лишают его убедительности. Слова, оповещающие о перемене авторской позиции. Научитесь как можно скорее предупреждать читателя о любой смене вашей логической позиции при переходе от фразы к фразе. В этом вам поможет по меньшей мере дюжина разных слов и словосочетаний: но, и все же, однако, напротив, поэтому, таким образом, наряду с этим, итак, далее, сегодня, следовательно и так далее. Если вы, сменив направление своей мысли, начнете очередное предложение с но, читателю будет несравненно проще его воспринять. И наоборот — ему будет чрезвычайно трудно понять, о чем идет речь, если он узнает о вашем логическом повороте лишь в самом конце фразы.

Абзацы

Следите, чтобы абзацы у вас были достаточно короткими. Текст воспринимается визуально — глаз реагирует на него раньше, чем мозг. Если то, что вы пишете, разбито на короткие абзацы, оно как бы наполнено воздухом и выглядит заманчиво, а огромный шмат сплошного текста может отпугнуть читателя, и он даже не рискнет за него взяться.

Вывод

Книга потрясающая. Интересно, познавательно. Очень структурировано. Книга полезна всем кто пишет.